

В Диссертационный совет ФГБОУ ВО
«Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте
Российской Федерации»
119571, г. Москва, проспект Вернадского, д.82

ОТЗЫВ

официального оппонента, члена диссертационного совета
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
на диссертацию Зайцева Дмитрия Владимировича
«Лелантская война и взаимоотношения Эретрии и Халкиды в архаический
период»,
представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук
по специальности 5.6.2 – «Всеобщая история»

Диссертационное исследование Д.В. Зайцева написано на актуальную, активно исследуемую в современном антиковедении тему. Во-первых, ранняя архаика – период, когда древнегреческая полисная цивилизация делала свои первые шаги, – в целом привлекает ныне значительно большее внимание ученых, чем раньше, и этому, разумеется, способствует постоянное пополнение источниковой базы благодаря археологическим раскопкам. Во-вторых, к раннеархаической Эвбее сказанное относится в особенной степени. В сущности, только в последние несколько десятилетий в полной мере выявился тот факт, о котором ранее и не подозревали: огромное значение эвбейских городов (Халкиды, Эретрии, Левканди) в греческом мире X–VIII вв. до н.э., когда они играли в Элладе, можно сказать, роль «авангарда», которая позже была ими утрачена и перенята другими центрами (в период поздней архаики – Коринфом, Милетом и др., а в классическую эпоху, разумеется, Афинами). Эта утрата полисами Эвбеи своих позиций небезосновательно связывается многими с Лелантской войной, что вызывает резонный интерес и к самому этому конфликту. Но отечественного антиковедения, к сожалению, все эти веяния ранее практически не касались, и на русском языке почти нечего почитать ни о Лелантской войне, ни об Эвбее в целом. На подобном фоне появление полномасштабного исследования монографического объема по данной тематике – а именно таковое представлено Д.В. Зайцевым – можно только приветствовать.

Работа над темой такого рода осложняется тем, что предполагает привлечение и комплексное использование различных категорий источников (при том, что набор нарративных свидетельств скуден и разрознен, а археологические данные часто допускают различные интерпретации) и

требует от исследователя соответствующих компетенций. Эти компетенции Д.В. Зайцев, несомненно, в полной мере демонстрирует.

Хронологические рамки работы он определяет (с. 29) как VIII–VI вв. до н.э., то есть весь архаический период (что связано с его пониманием Лелантской войны как конфликта более длительного, нежели он видится большинству других специалистов). Что касается географических рамок, понятно, что автор концентрируется прежде всего на Эвбее, но с целью постановки тамошних событий в общеисторический контекст часто (и вполне оправданно) выходит за пределы острова на более широкие просторы – от Италии до Ближнего Востока.

Диссертация весьма четко структурирована. Структура ее выглядит максимально обоснованной, все сколько-нибудь значимые аспекты рассматриваемой проблематики нашли в ней свое место. Структура эта такова: введение; четыре главы, в свою очередь, подразделяющиеся на параграфы; заключение; список использованных источников и литературы (в нем 333 наименования, из которых 65 – источники в оригиналах и переводах, а остальные – отечественные и зарубежные исследования, и со всеми ними, как показывает текст, автор тщательно ознакомился, что вызывает уважение), список сокращений; несколько интересных приложений.

Введение (с. 3–36) содержит необходимые в диссертационном жанре формальные моменты: постановку проблемы, обозначение цели и задач исследования, его методологической основы, актуальности и т.д. В этом же введении находятся очерки историографии проблемы и источников по ней. Историографический раздел («Степень изученности проблемы», с. 5–24) производит особенно импонирующее впечатление: он выглядит практически исчерпывающим, причем диссертант демонстрирует глубокое осмысление начитанной им литературы.

Глава 1 «Полисы острова Эвбея (наверное, лучше было бы «острова Эвбеи», т.е. согласовать оба слова в родительном падеже, а то в именительном получается «остров Эвбей»; но это, конечно, мелочь – И.С.) в начале архаического периода» (с. 37–65) имеет наиболее общий характер и в силу своей информативности будет весьма полезна для каждого, кто захочет составить себе представление о ситуации на острове. Она делится на два параграфа. Первый (с. 37–50) посвящен природно-географической характеристике Эвбеи; в числе прочих рассматривается вопрос о локализации Лелантской долины, из-за которой разыгралась знаменитая война. Во втором параграфе «Становление эвбейских полисов и проблема “Эвбейского койне”» (с. 50–65) тоже обсуждается ряд дискуссионных проблем. Сразу оговорим (это относится не только к данной главе, но и ко всем): приступая к анализу какой-либо проблемы, Д.В. Зайцев всегда вначале дает репрезентативную сводку мнений по ней, а потом четко формулирует собственную точку зрения, неизменно хорошо продуманную и убедительно аргументированную. В этом параграфе, например, он высказывает обоснованный скептицизм по отношению к высказывавшейся в литературе идее «эвбейско-кикладского койне».

Интересны и его размышления о роли Эвбеи в формировании греческого алфавита (с. 61–65). Как известно, именно Эвбея – одно из наиболее вероятных мест появления самого этого феномена (Б. Пауэлл, чьим единомышленником является и автор этих строк). В качестве альтернативных вариантов предлагались: Кипр (Р. Вудард, но это неубедительно в свете того, что греки-киприоты сами не перешли на алфавит, а удержали свой силлабарий); Крит (Р. Дженкоу). Позиция самого диссертанта по данному вопросу выглядит не вполне последовательной. С одной стороны, он, делая сопоставительную оценку эвбейского и критского вариантов, констатирует: «Древнейшие находки на Крите и Эвбее говорят, скорее, в пользу *эвбейского* (курсив наш – И.С.) варианта» (с. 64). Но, с другой стороны, буквально на следующей странице пишет: «Первая адаптация (неудачное слово – И.С.) алфавита, вероятно, происходит на Крите... С Крита алфавит заимствуют эвбейцы...» (с. 65). Налицо противоречие, автору надо бы как-то определиться.

Глава 2 «Эвбейская колонизация и проблема взаимоотношений Эретрии и Халкиды до Лелантской войны» (с. 66–97) посвящена важному и интересному кругу проблем: как известно, города Эвбеи в начале архаического периода сыграли роль воистину пионеров-первопроходцев как в Великой греческой колонизации, так и в деле восстановления связей с Ближним Востоком. Глава делится на три параграфа. В первом (с. 66–72) ставится вопрос, были ли отношения двух важнейших эвбейских полисов до войны дружественными и делается вывод, что достаточных данных в пользу этого нет. В следующих параграфах этот вывод подкрепляется новыми аргументами. В Италии даже если и были колонии, основанные совместно халкидянами и эретрийцами, это не обязательно говорит о сотрудничестве на уровне полисов (параграф 2, с. 73–88). Что касается Ближнего Востока, Аль-Мины (параграф 3, с. 88–97): эвбейское первенство там неоспоримо, но какие это были эвбейцы – эретрийцы, халкидяне или совместно эретрийцы и халкидяне – сказать невозможно.

Ключевой в диссертации является глава 3 «Лелантская война» (с. 98–148), состоящая из пяти параграфов. В ней Д.В. Зайцевым рассмотрены все аспекты данного вооруженного столкновения, поставлены соответствующие вопросы и даны на эти вопросы самостоятельные ответы, с которыми в каких-то случаях необходимо согласиться, а в каких-то можно и поспорить.

Так, по вопросу о характере Лелантской войны (параграф 1, с. 98–113) точка зрения диссертанта такова: это была не общегреческая война, расколовшая весь эллинский мир на две коалиции, а затяжной локальный конфликт (или, скорее, серия конфликтов) между Эретрией и Халкидой. Участие контингентов из других полисов фиксируется, но лишь ситуативно и в разное время. Тут мы всецело солидарны с автором.

Причины войны (параграф 2, с. 113–117) Д.В. Зайцев видит, – на наш взгляд, тоже совершенно справедливо – не в соперничестве Халкиды и Эретрии на ниве торговли и колонизации (ни о каких торговых войнах для

этой эпохи говорить не приходится), а в аграрных проблемах, в вопросе о принадлежности плодородной Лелантской равнины.

К слову, обозначим здесь нашу собственную (конечно, гипотетичную) трактовку конкретных предпосылок войны. Халкида располагается на краю Лелантской равнины, а в самом ее средоточии (близ устья р. Лелант) лежало, тем самым доминируя над равниной, поселение Левканди, которое, в наших представлениях, есть не что иное как первоначальная («Старая») Эретрия. Таким образом, вначале эретрийцы были «хозяевами равнины», но впоследствии они постепенно переселились в новый город, находившийся вообще за пределами Лелантской равнины. В подобных обстоятельствах Халкида, очевидно, сочла, что теперь имеет больше прав на эту плодородную местность, и заявила на нее свои притязания; Эретрия воспротивилась, отсюда и возник конфликт.

Хронология войны (параграф 3, с. 117–133) предлагается следующая: она началась в VIII в. до н.э., а закончилась «не раньше первой четверти VI в. до н.э.» (с. 133). Эта последняя датировка представляется нам, пожалуй, слишком поздней. Мы бы не стали продлевать войну в VI в. до н.э. Для диссертанта главным основанием сделать это становится известная элегия Феогнида, в которой в военном контексте упоминаются вместе Лелант и Кипселиды. Это сложное и противоречивое свидетельство больше порождает проблем, чем решает. Опираясь на него для доказательства чего бы то ни было трудно, тем более что Феогнид принадлежит к авторам с наиболее неясной, «плавающей» хронологией. Конечно, к VII в. до н.э., его, кажется, никто не отнесет; но в данной элегии он ведь мог говорить о каком-то событии, имевшем место не в его собственное время, а в более раннюю эпоху (Кипселиды правили в Коринфе уже с середины VII в. до н.э.). Изначальный контекст элегии неизвестен. «Феогнидов сборник», который мы имеем, был механически и путано (в него даже навставляли массу стихов, Феогниду не принадлежащих) составлен кем-то в гораздо более поздние времена.

Кстати, возникает вопрос (это вовсе не замечание к диссертанту, а недоумение по существу): можно ли вообще к вооруженному конфликту, длящемуся больше века, применить определение «война», т.е. считать его единичной войной? Не лучше ли говорить о «Лелантских войнах»?

По проблеме союзников Халкиды и Эретрии в Лелантской войне (параграф 4, с. 133–139) Д.В. Зайцев придерживается минималистского подхода. Он считает, что можно говорить об участии в войне только Милета на стороне Эретрии, Самоса и Фессалии на стороне Халкиды. Участником войны он также уверенно признаёт Коринф, но полагает, что невозможно установить, на чьей стороне он был.

Тут перед нами действительно интересная проблема, и по ней имеет смысл сказать несколько слов. В связи с позицией Коринфа налицо определенные противоречия. С одной стороны, во второй половине VIII в. до н.э. коринфяне изгнали эретрийцев с Керкиры. С другой стороны, Периандр дружил с тираном Милета – союзника Эретрии. Позже в Коринфе умер,

проезжая через него, тиран Эретрии Диагор, что тоже говорит, как минимум, не о враждебных отношениях между двумя полисами.

Проблема, как нам представляется, имеет решение, если не считать внешнеполитическую позицию Коринфа некой константой, никогда и никак не менявшейся. Полагаем, что она изменилась, когда у власти в коринфском полисе Бакхиадов сменили Кипселиды – их заклятые враги. Даже странно было бы, если бы они продолжали линию своих предшественников. Если предположить, что при Бакхиадах Коринф держал сторону Халкиды, а при Кипселидах – сторону Эретрии, то противоречия полностью снимаются и всё встает на свои места. Не знаем, высказывалась ли кем-либо эта идея ранее, но, полагаем, она, как минимум, заслуживает того, чтобы над ней подумать.

В целом мы не склонны подходить к проблеме союзников воюющих сторон так же минималистски, как диссертант. Думаем, что количество этих союзников Халкиды и Эретрии не ограничивалось четырьмя государствами, а скорее в конфликт был вовлечен более широкий их круг (хотя, конечно, не «вся Эллада»). Напомним, в период ранней архаики Эретрия и Халкида – две ведущие силы в греческом мире (как, скажем, в V в. до н.э. Афины и Спарта, и полисы тогда активно размежевывались на проспартанские и проафинские). Думаем, и в данном случае должно было происходить размежевание городов на прохалкидские и проэретрийские. Уж если в войну вмешались достаточно отдаленные Милет и Самос, то а fortiori какую-то позицию по отношению к войне и ее участникам, встав на чью-то сторону, должны были занять ближайшие соседи Эвбеи – Афины, Эгина, города Беотии. Разумеется, встать на чью-то сторону – не означает обязательно оказать прямую военную помощь. Но то, что столкновение Халкиды и Эретрии широко «аукнулось» в Греции, для нас несомненно.

В параграфе 5 (с. 139–148), рассматривая проблему историчности запрета на метательное оружие в Лелантской войне, Д.В. Зайцев этот запрет не со всей войной, а с каким-то ее единичным, ближе неизвестным эпизодом. Далее, в последней главе 4 «Итоги Лелантской войны и ее место в истории архаической эпохи» (с. 149–167) прежде всего ставится вопрос о результатах войны (параграф 1, с. 149–159). Кто вышел из нее победителем?

По этому вопросу немало сломано копий, а диссертант предлагает простое и изящное решение. Война велась за Лелантскую равнину; позже эта равнина контролировалась Халкидой; стало быть, Халкида и выиграла войну. В то же время ни один из двух воюющих полисов не претерпел сокрушительного разгрома: в дальнейшем оба они продолжали существовать.

Однако былое свое значение в Греции и Халкида, и Эретрия утратили, то есть были ослаблены, что несомненно, явилось одним из последствий Лелантской войны. Об этом речь идет в параграфе 2 (с. 159–167), где также поднимается и решается скорее в отрицательном смысле вопрос, имела ли эта война ключевое значение для становления греческой фаланги. В заключении подводятся итоги исследования.

Какую общую оценку можно дать диссертации Д.В. Зайцева? Однозначно можно сказать, что она представляет собой чрезвычайно высококвалифицированную исследовательскую работу. Автор скрупулезнейшим образом изучил избранную им тему, свободно ориентируется в круге источников и литературы по ней, что позволило ему буквально по каждому аспекту этой темы выработать собственную, оригинальную и продуманную точку зрения. Каждое положение диссертации тщательно аргументируется; цели и задачи, поставленные во введении, в полной мере решены; общие выводы выглядят логичными, взвешенными и, как правило, убедительными. На кое-какие тезисы диссертанта можно высказать возражения, но это в науке дело совершенно нормальное; никаких возражений не вызывают как раз малооригинальные, вторичные работы, не имеющие научной новизны. А у Д.В. Зайцева эта новизна, разумеется, присутствует на всем протяжении диссертационного исследования.

Перед нами крайне редкий случай, когда о кандидатской диссертации можно сказать (это и не о всякой докторской скажешь), что она являет собой вполне готовую монографию, которую следует, не откладывая, издавать. Конечно, предварительно исправив имеющиеся недочеты, к которым мы как раз переходим.

Сразу оговорим, что диссертация вызывает очень немного замечаний, причем почти все они несущественны. Начнем с самого серьезного. Не фатальным, но болезненным недостатком является недопустимое в научной работе наличие неверных ссылок на источники. Подчеркнем – не неточных, а, к сожалению, именно неверных. Нами обнаружены два таких случая.

1). С. 134: «Союз Коринфа и Халкиды предполагается на основании того, что коринфяне вытеснили с Керкиры эретрийских колонистов (Thuc. I. 13. 4)». У Фукидида в этом месте ни о чем подобном не говорится; о вытеснении с Керкиры эретрийцев коринфянами сообщил Плутарх в «Греческих вопросах».

2). С. 139, прим. 99: о смерти эретрийского тирана Диагора в Коринфе говорится со ссылкой на «Политику» Аристотеля (V. 5. 10 = 1306a35). Диагор в этом месте «Политики» упомянут, но в другой связи; о его смерти там нет ни слова.

Некоторые суждения в работе предоставляются не до конца продуманными и последовательными. Возьмем то место (с. 55), где диссертант приводит доводы против микенского происхождения «Каталога кораблей» во 2-й песни «Илиады». В целом-то мы с ним вполне солидарны, но не убеждает нас вот какой из этих доводов: в «Каталоге» упоминается Эретрия, а она была основана только в VIII в. до н.э. По нашему глубокому убеждению, Эретрия существовала (как «Старая Эретрия») и раньше, но на другом месте, в Ксерополе/Левканди. Сам же диссертант чуть ниже не только допускает такое, но и пишет, что эта «версия является наиболее аргументированной» (с. 57). В связи с этим ничего удивительного нет в том, что Гомер, как выражается Д.В. Зайцев, «не видит» Ксерополя. Он его видит,

но как Эретрию. Но если Эретрия была основана не в VIII в. до н.э., то весь ход умозаключений диссертанта здесь не достигает цели.

Кстати, в самом вопросе о том, можно ли отождествить Левканди со Старой Эретрией, автор не вполне последователен. Его слова на с. 57, цитированные чуть выше, вроде бы можно понимать в пользу такого отождествления. А, с другой стороны, на с. 104 он говорит о Левканди как о поселении, находившемся «между Халкидой и Эретрией», то есть, получается, выделяет его как отдельную единицу.

Не соответствует действительности следующее утверждение (с. 65): греческий алфавит появляется на Крите, «однако консервативные критяне используют алфавит только в ограниченных масштабах, а именно *для записи законов* (курсив наш – И.С.)». Алфавит, в том числе и в критском его варианте, появился в VIII в. до н.э., а письменные законы впервые появляются в Греции (и ранее всего как раз на Крите) со второй половины VII в. до н.э. Тут диссертантом смешаны две разные ситуации двух разных столетий, и преобладание законов в критской письменности во второй половине архаического периода ровно ничего не говорит о том, что было в первой. Во всяком случае, ясно, что в самом начале своего овладения алфавитом критяне записывали вообще *не* законы, а Д.В. Зайцев считает, что только законы.

С. 85, прим. 60 (об ойкисте Феокле, главе халкидской колонизационной экспедиции на Сицилию): «Фукидид, при этом, также сообщающий об этом событии, не называет Феокла афинянином (VI. 2. 3)». Это так, но Фукидид называет его не Феоклом, а Фуклом, и уже тот факт, что он приводит имя предводителя ионийцев-халкидян не на ионийском, а на аттическом диалекте, показывает, что он считал Фукла-Феокла афинянином, а не ионийцем (Фукидид писал имена носителей разных диалектов именно на этих диалектах; ср. имя спартанского царя Архидама, с дорийской *альфой*). Кстати, здесь диссертант дал неточную ссылку на Фукидида (на этот раз все-таки неточную, а не неверную). Во 2-й главе VI книги его «Истории» о Фукле ничего не говорится, он появляется только в 3-й главе.

Трудно согласиться с фразой: «...Коринф в то же время сосредоточивает свои усилия на освоении Италии и Сицилии» (с. 116). Имеется в виду колонизационное освоение, но в Италии вообще не было коринфских колоний, на Сицилии – только одна (Сиракузы). Да, у Коринфа было много западных колоний, но они располагались в других регионах.

На с. 87 диссертант не считает аргументом в пользу морской слабости Халкиды тот факт, что в 480 г. до н.э. халкидяне не представили в союзный флот корабли, а только экипажи для кораблей (Herod. VIII. 1). По его мнению, причина тут в том, что Халкида за четверть века до того пострадала от нападения афинян, а затем понесла ущерб от афинской клерухии. Однако же соседняя Эретрия за какие-нибудь 10 лет до похода Ксеркса гораздо сильнее пострадала от персов (экспедиция Датиса и Артаферна), тем не менее в 480 г. до н.э. все-таки выставила 7 кораблей. Нет, похоже, что у Халкиды были какие-то проблемы с флотом.

На с. 139 отмечается, что военная помощь Афин и Эретрии Ионийскому восстанию была незначительной. Это распространенная точка зрения, но она нуждается в корректировке. Неизвестно, сколько кораблей насчитывал тогда флот Эретрии, но цифра по тогдашним Афинам известна – 50 судов. И из них в Ионию было отправлено 20. Когда на какую-либо операцию отправляют *две пятых* всех морских сил государства – такую помощь трудно назвать незначительной.

Встречаются в диссертации не очень удачные выражения. Например, с. 5: «вопрос о цельности, системности архаической Эллады как своеобразной политической организации». Мы даже не вполне понимаем, что здесь хотел сказать диссертант. С. 22: «Лелантская война, являвшаяся общегреческим локальным конфликтом...». Так общегреческим или локальным? Одно с другим слабо согласуется. С. 50: «Элефенор предводительствует абантов» – так не говорят; предводительствуют кем-то, а не кого-то. С. 106: «Наконечник медного копья служил скипетром, символом царской власти»; следует полагать, что наконечник копья служил все-таки навершием скипетра, а не скипетром как таковым. С. 120: «...Персонажи трактата Плутарха – великие греческие философы». Речь идет о трактате «Пир семи мудрецов», и называть его действующих лиц (Солона, Бианта, Питтака, Хилона и др.) философами нельзя, это анахронизм. Разве что характеристику «философ» можно отнести к Фалесу, да и то с натяжкой: в современных трудах он фигурирует как философ, но в античных (например, у Диогена Лаэртского) череда философов начинается с Анаксимандра, а Фалес – еще мудрец. С. 205 (карта): «Адаптация названий на русский язык наша». Слово «адаптация» здесь явно неудачно. Диссертант почему-то его очень любит и порой употребляет не к месту (о чем говорилось и выше, в связи с алфавитом).

Есть технические погрешности. Исследовательницу Наташу Бершадски не следовало при повторном цитировании ее исследования обозначать “Idem” (с. 23), то есть «он же»; нужно было написать “Eadem”. Ссылка на Полибия (с. 140) дается как “Polib.” (нужно – Polyb.). Вообще говоря, опечаток в тексте многовато для такой сильной работы. С. 127 – небольшая погрешность в переводе последней строки элегии Феогнида: употреблено повелительное наклонение, а в переводе оптатив, модальность чуть иная. На с. 209 монеты 2.1 и 2.2 приведены как эретрийские, что крайне маловероятно: ныне их обычно относят к афинской серии *Warrenmünzen*, в которую они прекрасно вписываются. Кроме того, по 2.1 совершенно устарела датировка Хеда: в 600 г. до н.э. ни о каких монетах в Балканской Греции говорить не приходится, чеканка в этом регионе началась только около середины VI в. до н.э.

Подчеркнем, что высказанные замечания, в подавляющем большинстве имеющие сугубо частный характер, ни в малейшей мере не отменяют данную выше весьма высокую оценку представленного диссертантом комплексного исследования, являющего собой серьезный и

весомый вклад в наше антиковедение. Публикации соответствуют содержанию диссертации.

Заключение: Диссертация Зайцева Дмитрия Владимировича «Лелантская война и взаимоотношения Эретрии и Халкиды в архаический период», является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задачи, имеющей важное значение для развития исторической науки и практики, что соответствует требованиям Порядка присуждения ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, утвержденного приказом ректора ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» от 7 декабря 2021 года № 02-1336, а Зайцев Дмитрий Владимирович заслуживает присуждения ему ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.2 – «Всеобщая история».

Официальный оппонент,
член диссертационного совета РАНХиГС,
доктор исторических наук, главный научный сотрудник
отдела сравнительного изучения древних цивилизаций
Института всеобщей истории РАН

/Суриков Игорь Евгеньевич/

«10» января 2023 г.

119334, Москва, Ленинский проспект, д. 32а
Тел. раб: +7 495 954 44 32
isurikov@mail.ru